

Но стремление к скрупулезной терминологической адекватности отнюдь не означало для Карамзина прямолинейного приятия материалистического объяснения процесса познания. Впоследствии он не раз будет обыгрывать физиологические принципы теории Бонне в ироническом контексте.¹³ Более привлекателен для него как агностика и сенсуалиста был другой аспект гносеологической теории Бонне — мысль о сложности и в определенной мере неподвластности научному познанию души человека, утверждение идеи индивидуального различия.

«Обойди все народы земные; рассмотри жителей одного государства, одной провинции, одного города, одного местечка — что я говорю! — Посмотри на членов одного семейства, и тебе покажется, что каждый человек составляет особый род», — писал Карамзин вслед за Бонне (XIX, 175—176). Размышляя о различиях в темпераменте, швейцарский натуралист заключал, что «разные люди не могут чувствовать точно одного при действии одних предметов» (XIX, 189). Вывод его был связан с провозглашением сознательной направленности поведения человека: «Познавай же свой темперамент! Если он порочен, можешь исправить его, однако ж не стараясь разрушить оного» (XIX, 190). Карамзину была близка эта активная просветительская позиция.¹⁴

В целом анализ восприятия Карамзиным «Созерцания природы» позволяет уточнить его собственный взгляд на человека, во многом «синтезирующий» концепцию просветительского антропологизма и идею неповторимости, самоценности внутреннего мира личности. Размышляя над философским соотношением свободы воли и необходимости, он отвергал механистический детерминизм, утверждая возможность нравственного совершенствования.

Жуковский обратился к Бонне по крайней мере на 18—20 лет позже Карамзина. И естественно, что каким бы ни было влияние Карамзина на чтение Жуковского, начинающий поэт-романтик в изучении Бонне проявил значительную самостоятельность, расставил нужные именно ему акценты.

В библиотеке Жуковского имеется полное собрание сочинений Бонне в 18 томах — собрание его естественнонаучных и философ-

¹³ Ср. эпизод из «Писем русского путешественника»: «„Вы ищите за милую того, что у вас под носом“, — сказал ему Шафнер с сердцем; но душа Магистрова была в сию минуту так полна, что ничто извне не могло войти в нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естли не мимо ушей его, то по крайней мере сквозь их, то есть (сообразно с Боннетовой гипотезою о происхождении идей) не тронув в его мозгу никакой новой или девственной фибры (fibre vierge), № (50).»

¹⁴ *Канунова Ф. З.* Из истории русской повести: (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 11—14.